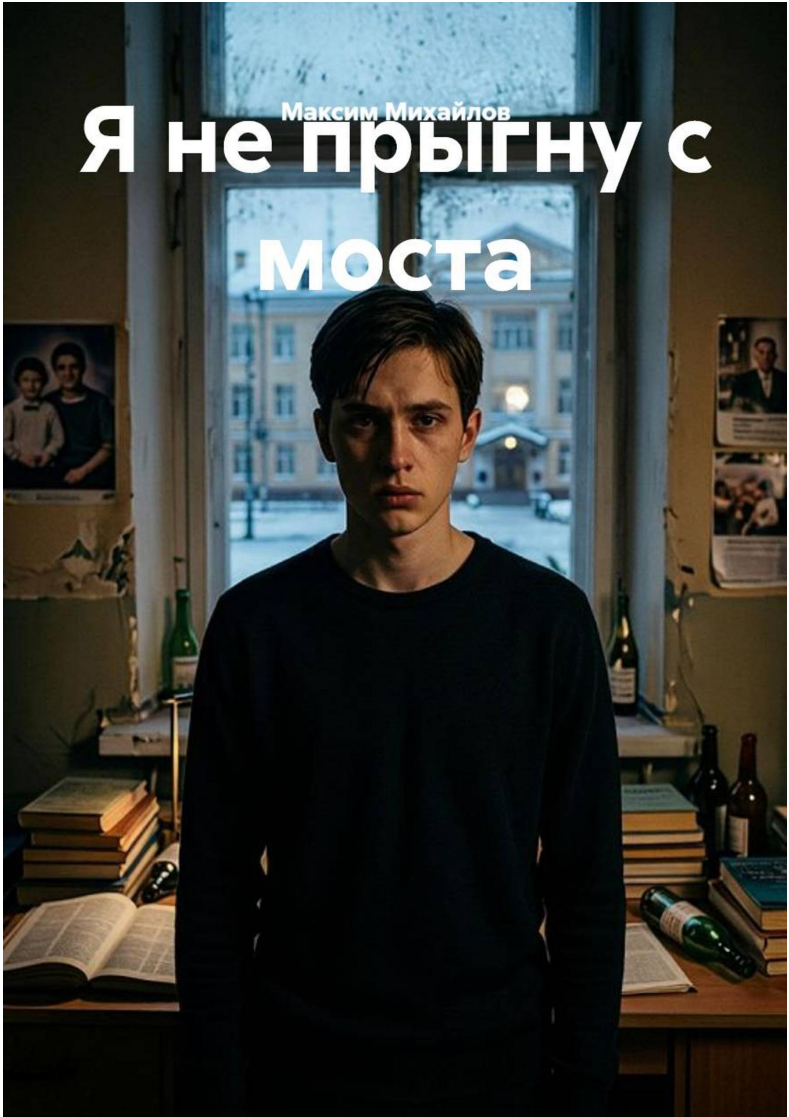
Максим Михайлов

Я не прыгну с моста

Максим Михайлов

Я не прыгну с моста

https://litres.ru/74703858
SelfPub; 2026

Аннотация

Они думали, что сломали его. Но они просто разбудили зверя. Его детство захлопнулось на замок в тот день, когда отец оставил записку на кухонном столе. Теперь Роман выживает в Петербурге: нищая студия, мать с красными глазами и элитная школа, где его презирают. Ева Ланская — дочь богатых родителей — решает добить чужака, затеяв жестокий спор. Она не знала, что у парня в дешевой водолазке вместо сердца — титановый стержень. Он влюбится. Потеряет всё. Но вместо того, чтобы прыгнуть с моста, он выберет скальпель. Медицине плевать, какая у тебя фамилия. А месть — это блюдо, которое лучший хирург города подаст холодным

Содержание

Глава1.Записка на кухонном столе 4
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Максим Михайлов
Я не прыгну с моста

Глава1.Записка на кухонном столе

Все персонажи, события и географические названия в этой книге вымышлены. Любое совпадение с реальными людьми, живыми или умершими, а также с реальными событиями является случайным.

Питер плакал.

Он плакал не так, как плакал наш родной городишко Каменка. Там слёзы небес были грязными: они смешивались с чёрным снегом и стекали по разбитому асфальту лужами цвета мазута.

Питер плакал красиво. Эстетично. Меланхолично.

С низкого графитового неба срывалась водяная пыль. Она оседала на моих волосах, на воротнике драпового пальто, которое было мне велико на размер, и на клетчатых сумках.

В каждой руке я нёс по потёртой спортивной сумке с выцветшими полосами по бокам. Мама тащила за собой чемодан на колёсиках. Одно колесо давно заедало, поэтому чемодан то и дело заваливался набок, оставляя на мокром асфальте короткие грязные следы.

Ручки сумок больно впивались в пальцы, но я не выпускал

их.

Внутри лежали мои учебники, спортивная форма, несколько вещей и старая фотография матери. В мамином чемодане помещалась почти вся её жизнь: одежда, лекарства, документы и две кастрюли, которые она почему-то не захотела оставлять.

Другого прошлого у нас почти не осталось.

— Рома, не тащи всё сам, — хрипло сказала мама за моей спиной. — Такси уже подъезжает. Давай я возьму маленькую сумку, а большую понесёшь ты.

Я не обернулся.

— Не надо. Я сам донесу.

— У меня плечо болит, но я ещё не развалилась.

— Мам, я сказал: сам.

Если я обернусь, то увижу её лицо. И тогда мне снова станет ясно, как сильно она устала. Увижу сеточку морщин у глаз, следы дешёвого тонального крема и губы, которые она сжимала, чтобы не расплакаться.

Я не стеснялся её. Я стеснялся собственной беспомощности рядом с ней. Ненавидел, что не мог забрать у неё боль, как забирал тяжёлые сумки.

Два года назад мы переехали в Петербург.

Мне было шестнадцать. Маме — сорок три.

Она нашла работу диспетчером в такси и почти сразу начала пропадать на сменах. После ночных смен мама приходила домой с красными глазами и напряжёнными плечами.

От её куртки пахло дешёвым кофе, дождём и чужими сигаретами.

Я поступил в новую школу.

Точнее, меня перевели в гимназию «Север» — одну из тех, куда обычно попадали дети людей с деньгами, связями и фамилиями, известными не только в своём районе.

Сам я бы туда, наверное, не попал. Не потому, что плохо учился. Учёба давалась мне легко, особенно алгебра: контрольные я обычно писал лучше многих одноклассников. Просто в этой гимназии одних хороших оценок было мало. Нужны были рекомендации и собеседование.

Нам помогла Ольга Сергеевна — мамина знакомая ещё по Каменке. Когда-то они вместе работали в районной библиотеке. После переезда Ольга Сергеевна устроилась в гимназию секретарём директора. Она помогла маме разобраться с документами, рассказала о вступительных испытаниях и поговорила с директором, чтобы мне разрешили пройти их на общих основаниях.

— Пусть попробует, — сказала она. — Мальчик способный.

«Попробует» означало вступительные испытания и собеседование. Я сдал их и поступил.

Гимназия была бесплатной, но в десятом классе там предлагали дополнительные профильные занятия. Мама считала, что без них мне будет трудно среди ребят, которые готовились к экзаменам с репетиторами. Поэтому она подписа-

ла договор и каждый месяц переводила деньги через банковское приложение.

Для большинства родителей эта сумма была незначительной, а для нас всё равно оставалась огромной. После каждого перевода мама ещё долго проверяла баланс, словно надеялась, что потраченные деньги каким-то чудом вернутся.

Иногда после оплаты мама говорила, что не хочет есть. Иногда откладывала покупку лекарств или снова заклеивала подошву старых ботинок.

— Может, я пойду в обычную школу? — спросил я однажды.

Мама сидела на краю дивана и смотрела в экран телефона, где только что уменьшился баланс.

— Нет. — Мы не потянем. — Потянем. — Мам… — Ты будешь там учиться, Рома.

Она произнесла это так, будто гимназия была не школой, а единственным шансом, который она могла мне дать.

Ольга Сергеевна помогла маме разобраться с документами и договорилась, чтобы меня допустили к вступительным испытаниям. Но за меня ничего не решала. Алгебру я написал почти без ошибок, русский — на проходной балл. В итоге меня приняли в десятый класс.

Мы жили на окраине, в маленькой студии возле Девяткино.

Двадцать квадратных метров, узкая кухня, старый диван-книжка, на котором спала мама, и моя узкая кровать у

окна. Между ними едва оставалось место для прохода, а из окна открывался вид на стену соседней многоэтажки.

От нашей студии до гимназии «Север» дорога занимала почти час. Я ехал с пересадкой, стоя в переполненном транспорте, пока моих будущих одноклассников подвозили к самым воротам.

В первый день я понял: дело было не в часе дороги. Между нашей квартирой возле Девяткино и этим местом лежала целая пропасть. Мама называла это началом новой жизни.

Я называл это другой клеткой.

Но молчал. Потому что она старалась. Мама всегда старалась. Ради меня.

Пять лет назад отец перестал быть для меня кумиром.

Мне было одиннадцать, но я уже многое видел и понимал. Раньше мне казалось, что он просто строгий. Взрослые вообще бывают строгими. Так говорил он сам: его нельзя перебивать, нельзя спорить, нельзя задавать лишних вопросов.

Отец преподавал математику в моей прежней школе и привык, что ему подчиняются не только ученики. Дома он ждал того же.

Он был молчаливым, тяжёлым человеком. От него пахло мелом, дешёвым парфюмом и табаком — запахом, который въедался в пальцы и одежду после сигарет.

Отец говорил мало, но каждое его слово звучало как приказ.

Мама тогда не работала. Она была, как он любил выра-

жаться, «хранительницей очага».

Он произносил это с кривой усмешкой, будто мама была не человеком, а домашней прислугой, которую он милостиво содержал.

Она пекла пироги с капустой, стирала его рубашки, гладила брюки и ждала его с работы. А он оставлял на комоде деньги — ровно столько, сколько считал нужным. Зарплату забирал целиком и прятал в тайнике в коридоре. Маме выдавал деньги по списку.

— Пять тысяч — на продукты. Две — на хозяйство. И не проси больше.

Если она покупала себе лишнюю помаду или пачку дорогого чая, он устраивал допрос. Спрашивал, зачем ей это понадобилось, кому она хочет понравиться и почему она не умеет быть благодарной.

Сначала он только кричал. Потом начал хватать её за запястья.

Я помню, как его пальцы впивались в мамину руку, оставляя на коже красные следы. После этого она долго не снимала кофту, даже когда в квартире становилось душно. Прятала руки в рукава и делала вид, что всё нормально.

Потом он впервые ударил её при мне.

Это случилось из-за какой-то мелочи. Мама пересолила суп или не успела погладить его рубашку — сейчас я уже не помню.

Помню только, как тарелка дрогнула в её руках. Как отец

резко поднялся из-за стола. И как его ладонь обрушилась на её щёку.

Звук был коротким и сухим.

Мама даже не вскрикнула. Только повернула голову, будто удар пришёлся не по ней, а по кому-то другому.

Я стоял в дверях и не мог пошевелиться.

Отец посмотрел на меня.

— Чего уставился, балбес? — рявкнул он. — Иди к себе.

Я ушёл.

Не потому, что послушался. Потому что испугался.

После этого он больше не скрывался. Мог ударить маму по лицу, толкнуть плечом, схватить за волосы, если она пыталась уйти из комнаты.

Иногда после ссоры в квартире становилось тихо. И эта тишина была страшнее крика.

Мама потом собирала осколки с пола, поправляла волосы и говорила: — Ничего, Ромочка. Папа просто устал.

Она всегда его оправдывала. Даже когда у неё темнела кожа под глазом. Даже когда она прятала синяк на шее воротником старого вязаного свитера. Даже когда тональный крем ложился на лицо неровными жёлтыми пятнами и не мог скрыть следы его пальцев.

А потом в его жизни появилась другая женщина — бухгалтерша из Воронежа. По крайней мере, так говорили бабушки в подъезде. Откуда они всё узнали, я не знал. Кто им рассказал — тоже.

Но вскоре отец действительно ушёл.

После него остались долги, мамины синяки и фамилия, от которой она старалась отгородиться.

Мы не бежали от него. Мы уезжали от всего, что он оставил после себя. От долгов. От страха. От города, где его знали все, а нас продолжали воспринимать как часть его семьи.

Я помню тот день в деталях, потому что именно тогда моё детство захлопнулось на замок.

Я помню запах жареной картошки с луком, которую мама готовила на ужин. Запах её духов — сладких, приторных, купленных на рынке. И звук. Сухой, рваный треск разрываемой бумаги.

Мама сидела на табуретке. Она не смотрела на меня. Её взгляд был прикован к стене над холодильником — туда, где среди выцветших виниловых обоев в мелкий, пожелтевший от времени цветочек висела моя фотография в дешёвой деревянной рамке.

Первый класс. Короткая чёлка, сбитая набок, и тот упрямый, волчий взгляд исподлобья, который я до сих пор не переносил.

На фотографии я смотрел прямо в камеру, словно хотел продырявить объектив. Теперь рамка висела криво. А на кухонном столе лежала записка.

Мама держала её в руках. Её пальцы дрожали, но она старалась этого не показывать.

— Что там? — спросил я.

Она не ответила.

Я подошёл ближе.

На тетрадном листе в клетку было написано всего несколько слов: «Мне надоело жить в этом доме. Забирай сына и не вмешивайся в мою жизнь».

Отец ушёл, оставив после себя душный запах парфюма, пустой шкаф и несколько фраз — будто нескольких слов было достаточно, чтобы снять с себя ответственность за всё, что он сделал.

Мама смотрела на записку, будто надеялась, что буквы изменятся.

— Он больше не придёт, — прошептала она.

Но сказала это неуверенно — скорее убеждала себя, чем меня.

Я посмотрел на её лицо и впервые понял: она боялась не только того, что отец ушёл. Она боялась, что он может вернуться.

— Рома?

Голос матери вырвал меня из воспоминаний.

Мы стояли под козырьком подъезда. Вокруг шумел Петербург. Машины шипели колёсами по мокрой дороге, где-то за стеной дома ругались дети, а из открытого окна тянуло жареным луком.

— Что? — спросил я.

— Я говорю, сумки можно достать из багажника. Водитель уже его открыл.

— Да вижу я. Иду. И твой чемодан возьму. Сейчас…

— У тебя спина заболит, милый, от такой тяжести.

— Ничего, справлюсь.

Она замолчала. В этот раз я обернулся.

Мама стояла рядом. На ней была выцветшая куртка, слишком тонкая для питерской осени. Волосы она собрала в небрежный хвост, а на губах почти не осталось помады.

Она выглядела маленькой. Уставшей. Но всё ещё моей мамой.

— Я справлюсь, — сказал я мягче.

Она кивнула.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что это правда.

Мы, конечно, надеялись воспользоваться лифтом, а не тащить весь наш скарб по лестнице. После долгой дороги сил почти не осталось, и хотелось лишь поскорее добраться до кровати.

Лифт, разумеется, не работал.

В боку кололо. В голове стучало.

Мама опустила сумки на ступеньки и через несколько секунд догнала меня. Она держалась за перила, тяжело дышала и прижимала ладонь к груди.

— Рома, подожди.

— Не держись за сердце, — сказал я. — Ты мне нужна.

— Я в порядке.

— Ты всегда это говоришь.

Мама улыбнулась, но улыбка получилась слабой.

— Ты мой совсем взрослый сын, а всё равно командуешь, — сказала мама.

— Кто-то же должен.

Она опустила взгляд и несколько секунд молчала. Я почувствовал: мама хочет что-то сказать.

— Прости меня, — тихо произнесла она.

— За что?

— За то, что мы остались в Каменке так надолго. За то, что я не смогла раньше найти нормальную работу. За то, что…

— Не продолжай.

— Рома…

— Не надо.

— Я должна была…

— Ты ничего мне не должна.

Она посмотрела на меня. В её выцветших глазах стояли слёзы.

— Я только хотела, чтобы у тебя было нормальное детство.

Я сжал пальцы на ручке сумки.

— Ты дала мне всё, что могла.

— Но этого было мало.

— Нет, — сказал я. — Мало было у него. Не у тебя.

Мама отвела взгляд. Я знал, о ком она думала. О человеке, который оставил нас с долгами, страхом и запиской на кухонном столе. Человеке, чьё имя я до сих пор не любил

произносить вслух.

— Мы начинаем сначала, — сказал я.

— В этой съёмной квартире?

Я посмотрел на лестничную площадку: на грязные стены, облупленную краску и лампочку, которая мигала над нашими головами.

— В этой жизни.

Мама вытерла щёку рукавом.

— Ты обязательно станешь врачом?

— Обязательно.

— Даже если будет сложно?

— Особенно если будет сложно.

Она кивнула. И мы поднялись на наш этаж.

Через год после переезда я уже знал Петербург по запахам.

Утром город пах мокрым камнем, кофе из автоматов и чужими сигаретами. В метро пахло железом и сонными людьми. В нашей квартире — старым диваном, стиральным порошком и капающим краном.

А гимназия пахла дорогими духами, полированной мебелью и деньгами.

Гимназия номер пятнадцать стояла за коваными воротами. Трёхэтажное здание из красного кирпича, с мраморным холлом и стоянкой, заставленной «БМВ» и «Мерседесами».

За этими воротами начиналась другая жизнь. Та, в которую меня впустили, но своей частью не сделали.

В первый день учебы в гимназии я пришёл раньше всех.

На часах было без двадцати восемь.

Я вошёл в холл, стряхнул с ботинок воду и сразу почувствовал на себе чужие взгляды.

Мой старый рюкзак. Серая водолазка с растянутым воротом. Джинсы, которые уже начали выцветать на коленях. Дешёвые ботинки, промокшие насквозь.

Я привык к этим взглядам. Сначала они ранили. Потом стали просто шумом.

— Новенький?

Я обернулся. Передо мной стояла Ева Ланская.

Тогда я ещё не знал, что через несколько месяцев она станет главным человеком в моей жизни. И через несколько лет — человеком, которого мне придётся вырвать из неё.

Ева была красивой. Не просто красивой — такой, на которую оборачивались даже те, кто делал вид, что не обращает внимания.

Волосы цвета жидкого золота были собраны в небрежный пучок. Только небрежность эта, скорее всего, стоила дороже всей моей одежды. На ней был кашемировый свитер пастельно-розового цвета, клетчатая юбка и замшевые туфли.

Она смотрела на меня так, будто я был пятном на её обуви.

— Ты наш новый экспонат из музея бедности? — спросила Ева.

Рядом с ней засмеялись две девушки. Кристина Погорлецкая — высокая, бледная, с длинными чёрными волосами и

тёмной помадой. И Милана Воронова — брюнетка с холодным лицом и дорогими часами на тонком запястье.

— Ева, оставь его, — сказала Милана. — Он даже не из нашего круга.

— Именно поэтому и интересно.

Ева обошла меня по дуге, разглядывая с головы до ног.

— Как тебя зовут?

— Роман.

— Какое народное имя.

— А твоё какое?

Она вскинула бровь.

— Ева Ланская.

— Поздравляю.

Кристина хихикнула.

Ева впервые посмотрела на меня внимательнее.

— Ты не боишься?

— А должен?

— Обычно новенькие пытаются понравиться.

— Обычно я не интересуюсь тем, что делают обычно.

На несколько секунд вокруг стало тихо. Милана скривилась.

— Он дерзкий.

— Нет, — сказала Ева. — Он просто ещё не понял, куда попал.

Она подошла ближе. От неё пахло малиной, дорогими духами и чем-то табачным.

— Здесь не любят тех, кто притворяется особенным.

— Хорошо, что я не притворяюсь.

На её губах появилась улыбка. Не весёлая. Хищная.

— Кристина, ты слышала? Он ещё и разговаривает.

— Слышала, — ответила Кристина. — Я бы даже сказала, что он симпатичный.

Милана фыркнула.

— Симпатичный? Он похож на человека, которого забыли забрать из пункта выдачи.

— А мне нравится, — сказала Ева.

Я посмотрел на неё.

— Что именно?

— Твоя уверенность.

— Она не продаётся.

Ева чуть склонила голову.

— Все продаётся, Рома.

— Ты ошибаешься.

Она смотрела на меня ещё несколько секунд, будто пыталась решить, что именно перед ней: глупый мальчишка или человек, который действительно не понимает правил.

Потом Кристина достала телефон.

— Ева, спорим?

— О чём?

— Что ты не заставишь его влюбиться в себя.

Ева медленно перевела взгляд на Кристину. Милана улыбнулась.

— Отличный спор.

— На какую сумму? — спросила Ева.

— Пятьдесят тысяч.

Я хотел уйти, но почему-то остался.

Ева посмотрела на меня. В её глазах мелькнуло любопытство. И ещё что-то, чему я тогда не нашёл названия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.